

Общие вопросы истории и философии науки

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРОБЛЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЗНАНИЯ

М.В. Гончаренко

Рассматривается проблема фальсификации знания в рамках концепции «исследовательских программ» И. Лакатоса, проанализированы основания формирования нового знания с позиции критического рационализма. Сформулировано и обосновано предположение о том, что конституирование нового знания становится возможным вследствие того, что, во-первых, интерпретация факта (как и сам факт) с эпистемологической точки зрения возможна в связи с актуальностью той или иной пресуппозиции и, во-вторых, новая пресуппозиция всегда структурирует новый концепт.

Ключевые слова: фальсификация, рациональность, пресуппозиция, факт, концепт

Вопрос о том, почему в первой половине XX в. возникает проблема фальсификации знания, является весьма значимым в контексте изучения возможных принципов создания различных форм знания. Каковы эпистемологические и онтологические предпосылки концепции фальсификационизма? Краткий историко-методологический анализ показывает проблематичность самих рационалистских оснований позитивного знания, что же касается эпистемологического подхода, то он позволяет сформулировать следующее предположение: фальсификационизм первой половины XX в. является одним из следствий осознания западным научным сообществом безусловного «исчезновения» истины в рациональном дискурсе. То есть с точки зрения эпистемологии именно безусловность *исчезающей* истины актуализировала проблему возможной фальсифицируемости знания (естественно, знания как образчика рационального дискурса).

Подавляющее число известных нам концепций того периода, объясняя подобное положение дел, исходили, во-первых, из однозначной и единственно возможной приоритетности рационального, во-вторых, из

необходимо существующего некоторого объяснения причин фальсификации теорий (в конечном счете – знания), хотя эти объяснения и принимали весьма разнообразные, иногда даже противоречивые формы. При этом последователи концепции фальсификации фактически игнорировали такие факторы – атрибуты знания, как аксиоматичность, парадоксальность, достоверность (по принципу *ad hoc*) и т.д. То есть принимая во внимание необходимость аргументирования опровержения какой-либо конкретной системы знания, они игнорировали то, что критерий фальсифицируемости в этом случае наделяется полномочиями единственно значимого и рационального критерия знания. Таким образом, критерий фальсификации приобрел статус *абсолютно* рационального критерия со всеми вытекающими последствиями (его аксиоматичность и *ad hoc* исключались, хотя на самом деле это было демонстрацией классической ситуации конвенциональности в пределах данной системы знания).

В этой связи показательно следующее рассуждение Лакатоса: «*История без некоторых теоретических “установок” невозможна*. Прекрасным ключом к скрытой методологии историка является то, какие именно проблемы он рассматривает в качестве внешних: при этом один будет спрашивать, почему “несомненный факт” или “смелая теория” были открыты именно там и тогда, где и когда это произошло, другого интересует, почему «регрессивный сдвиг проблемы» мог иметь широкую и шумную популярность... или почему “регрессивный сдвиг проблем” был “неразумно” оставлен без внимания. История *науки* есть история событий, выбранных и интерпретированных некоторым нормативным образом» [1], при этом «подлинная история науки богаче ее рациональных реконструкций» [2].

По всей вероятности, данное рассуждение имеет непосредственное отношение к так называемым «теоретическим установкам» (И. Лакатос), само существование которых вне пресуппозиции едва ли представляется возможным. Теоретическая установка как возможность конституирования дискурса (и не только рационального), как возможность выбора варианта интерпретации факта, модели или теории, обладая априорно конвенциональной природой, является одновременно и репрезентацией определенной пресуппозиции. Мы не можем и не должны игнорировать значение пресуппозиционной обусловленности как систем знания, так и различных интерпретационных систем, для части из которых основной целью является как раз анализ собственно систем знания. Поэтому если мы рассматриваем проблему актуализации фальсификационизма, то должны констатировать, что последняя обусловлена в том числе и пре-

суппозицией (теоретической установкой) конвенциональной вариативности рационального дискурса.

Это указывает на то, что известное *сомнение* по отношению ко всему в конечном итоге не только ограничено сомнением по отношению к себе самому как таковому (опять-таки в силу определенной пресуппозиции), но и на некотором этапе развития рациональных представлений формирует такую теоретическую установку, которая предполагает необходимость вариативности оснований рационального дискурса, что возможно только при условии следующей пресуппозиции: *все существующие системы знания* всегда оказываются *опровержимыми*. Квантор всеобщности как раз указывает на *общие* основания данной пресуппозиции и предшествовавшей ей (всегда сомнение пребывает вне сомнения), так как всегда *все* будет *так*. Таким образом, пресуппозицией концепции фальсификационизма является один из возможных вариантов пресуппозиции рационального знания, который соответствует ей как по степени аксиоматичности, так и по степени конвенциональности.

Потенциальный статус пресуппозиции не только в какой-то мере обуславливает контекст использования тех или иных понятий, но и структурирует определенным образом *возможности* использования других понятий как в уже существующих моделях, так и в предполагаемых. То есть континуум, который является обязательным условием становления какой-то модели, пребывая в состоянии перманентного становления, конституирует конкретный набор вариантов, допустимый для этой модели. Другими словами, аристотелево-птолемеевская модель Вселенной (как и галилео-ньютоновская), основываясь на геоцентризме (во втором случае, соответственно, на гелиоцентризме), могла видоизменяться определенным образом, но это изменение было возможно исключительно в пределах понятия «геоцентризм» (и «гелиоцентризм»). Поскольку понятие «геоцентризм» исходит из представления о приоритетности положения Земли, постольку все вариативные наборы геоцентрической модели предопределены концептом геоцентризма (это имеет отношение и к понятию гелиоцентризма, которое, в свою очередь, определено другим приоритетом – приоритетом положения Солнца).

По утверждению С.С. Неретиной, «концепт в постмодернистском понимании есть поле распространенных в пространстве суггестивных знаков. Поскольку в речи к тому же просматриваются объективно-языковые формы выражения, то терминологически концепт от понятия трудноотличим, становясь двусмысленным термином» [3], что и указывает на современные тенденции в видении концепта, которое фактически

предполагает нивелирование природы концепта. Скорее всего, это одно из закономерных следствий продолжающейся *рационализации* дискурса. «Рациональный» дискурс, таким образом, замещает элементы-концепты элементами-понятиями, которые все-таки в конечном итоге должны выполнять функции концептов (иначе дискурс будет невозможен).

Здесь возникает проблема пресуппозиции *знания*, так как актуальность связи концепта и пресуппозиции не может быть исчерпана посредством «двусмысленности термина». Дискурс как форма конституирования концепта в определенном смысле является перманентно становящимся континуумом, в пределах которого и происходит формирование возможных (приемлемых для континуума) значений концептов. Прагматическая же пресуппозиция конституирует формирование как новых вариантов уже существующей модели посредством модифицирования значений старых концептов, так и новых моделей, за возможность которых ответственны уже новые (другие) концепты. Явное знание и неявное, в терминологии Куна, невозможны порознь, т.е. оба вида знания взаимообусловлены и пребывают в отношениях со-существования (они представляют собой единый континуум).

Для того чтобы уточнить некоторые аспекты взаимообусловленности концепта и пресуппозиции, приведем наиболее соответствующие нашему пониманию дефиниции концепта. По М.В. Пименовой, «концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [4].

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [5].

Согласно С.С. Неретиной, «концепт формируется речью (введением этого термина прежде единое Слово жестко разделилось на язык и речь). Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее

как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства. Концепт предельно субъектен. Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на его вопросы, что и рождает диспут. Обращенность к слушателю всегда предполагала одновременную обращенность к трансцендентному источнику речи – Богу. Память и воображение – неотторжимые свойства концепта, направленного, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны – концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее» [6].

Таким образом, констатация взаимосвязи пресуппозиции и концепта обусловлена, с одной стороны, определенной субъектностью данного образования (концепта) как результатом когнитивной деятельности (транспарентность которой остается недостижимой), с другой – репрезентацией знаний о «фрагментах мира». Прагматическая пресуппозиция как отношение между субъектом и континуумом, частью которого является его возможное/невозможное (допустимое/недопустимое) высказывание, определяет правомерность конституируемого ею дискурса с позиции интересубъективности, даже если *de facto* «участником» этого дискурса является сам субъект в единственном числе, в силу того, что континуум определяется конкретными культурно-историческими концептами, т.е. дискурс всегда имеет форму отображения субъектно-объектных отношений.

В этой связи обратимся к рассуждениям И. Лакатоса по поводу нового эмпирического критерия: «Уточненный фальсификационизм... сдвигает проблему с оценки *теорий* на оценку *ряда (последовательности) теорий*. Не отдельно взятую теорию, а лишь последовательность теорий можно называть научной или не-научной. Применять определение “научная” к *отдельной теории* – решительная ошибка. Всегда почтитаемым эмпирическим критерием удовлетворительности теорий было согласие с наблюдаемыми фактами. Нашим эмпирическим критерием, применимым к последовательности теорий, является требование производить новые факты. *Идея роста науки и ее эмпирический характер соединяются в нем в одно целое*» [7].

Мы видим, что в данном случае И. Лакатос утверждает, что до определенного момента («согласие с новыми фактами», «производить новые факты» и т. д.) теория просто «согласалась» с новыми фактами,

а теперь теория «производит» эти новые факты. Фактически речь идет о некотором смещении эпистемологического характера, так как утверждается противопоставленность: «согласие» (как некое *описание* континуума) – «производство» (как некая *организация* континуума). При этом игнорируется проблема самого факта, как и собственно возможности факта. Вместо этого фальсификационизм предлагает сосредоточить внимание исключительно на феномене *ряда*, или феномене *следования* фактов.

Изменение видения проблемы факта, таким образом, указывает на изменение прагматической пресуппозиции и на формирование новых концептов. С этой точки зрения факт является феноменом несамодостаточным, так как качество его научности теперь может и должно определяться исключительно с позиции некой рациональности следования других фактов, что и соответствует, в конечном итоге, научному статусу фальсифицируемой теории. Следовательно, имеющее место в данном случае *эпистемологическое* смещение, указывающее на возможные новые принципы организации знания, происходит в результате формирования новой пресуппозиции по отношению к факту и самой возможности его конституирования. Эпистемологическое смещение – результат смещения/изменения до данного момента актуальных концептов, поэтому ранее мы утверждали, что теория – это согласие (описание фактов), теперь же должны утверждать, что теория – это производство новых фактов.

Далее И. Лакатос говорит, что «лихорадка проблем в науке возникает скорее из-за быстрого размножения (пролиферации) соперничающих теорий, а не умножения контрпримеров и аномалий» [8], но скорее всего такое положение дел возникает на основании того, что сам Лакатос и обозначил как «сдвиг теорий» (новые концепты формируют и новые теории как новые модели). Пролиферация всегда предопределена единым «кодом» уже существующей теории, который рассчитан на определенный вариативный набор контрпримеров и аномалий; если же констатируется сдвиг теории, то, значит, новая пресуппозиция предопределила новый концепт.

Однако, анализируя проблему фальсифицируемости знания и указывая различия между прогрессивным и регрессивным сдвигами проблем, И. Лакатос игнорирует необходимость научного статуса «переинтерпретации» научной теории: «*Данный факт объясняется научно, если вместе с ним объясняется также и новый факт*» [9]. То есть научность, определяясь возможностью объяснения нового факта, не является переинтерпретацией; переинтерпретация приобретает ненаучный статус, ли-

шаяся атрибутов рациональности. Если понимание (или познание) чего-либо приводит к объяснению еще чего-то и другого, то почему *такое* объяснение *ненаучно*? (Данный вопрос, сформулированный, по сути, в качестве контрвопроса, может в какой-то мере приблизить нас к более точному пониманию рационального с точки зрения теории фальсификационизма.) В конечном итоге, чем отличается переинтерпретация от интерпретации, если любой факт, известный нам сегодня *так-то*, завтра может стать известным нам совершенно *по-другому*? Не станем же мы в этом случае утверждать, что наше новое знание о факте ненаучно на основании все той же переинтерпретации, так как, во-первых, она является вторичной по отношению к интерпретации, а во-вторых, именно так любой без исключения «данный факт» может стать новым в силу новой пресуппозиции.

В любом случае объяснение вне переинтерпретации невозможно: ссылка И. Лакатоса на лингвистическую переинтерпретацию, якобы уменьшающую содержание теории, указывает на некоторое непонимание проблем интерпретационного характера, так как любая интерпретация, даже если она и приводит к объяснению нового факта, вне лингвистического фактора невозможна, потому что последний – необходимый инструмент (способ), доводящий до сведения нечто. Поэтому фактор уменьшения или увеличения содержания теории не может быть показателем не-научности переинтерпретации.

Вопрос об основаниях предсказания фактов решается фальсификационизмом следующим образом: «в теории важнее всего, что она позволяет предсказывать новые факты» [10], т.е. мы можем констатировать, что «предсказание» и «переинтерпретация» – это почему-то непересекающиеся понятия. Данное утверждение не выдерживает критики с точки зрения роли и значения пресуппозиции, которая предопределяет теорию как модель, актуальную в определенных условиях при возможных/допустимых этой же теорией определенных изменениях (неявных в том числе). Если учитывать, что «структура – это модель, выстроенная с помощью некоторых упрощающих операций, которые позволяют рассматривать явление с одной-единственной точки зрения» [11], то конкретная теоретическая модель – это всего лишь один из возможных *здесь и теперь* вариантов описания явления, но *этот* вариант одновременно оказывается и *элементом* ряда, предполагающего также возможную актуальность других вариантов. Присваивание переинтерпретации статуса *лингвистической* и утверждение на этом основании, что она ненаучна, выглядят достаточно неубедительно.

Вышеизложенное рассуждение приводит к вопросу: *на основании чего предсказываются факты?* Один из допустимых ответов выглядит так: факты предсказываются на основании *возможности* самого предсказания, которая обусловлена прагматической пресуппозицией, так как структура теоретической модели не является феноменом, обособленным от ряда других вариантов структур и не обладает метафизическим статусом, по отношению к которому все другие структуры таковым бы не обладали. Структура любой теоретической модели является все тем же элементом ряда, т.е. структурой, вписанной в более сложную цепь разнообразных структурных отношений. Поэтому конкретная теоретическая модель, конституирующая какой-либо факт, становится актуальной только в связи с возможностью контрпримеров и аналогий по отношению к данному факту.

Пресуппозитивная обусловленность теоретической модели отсылает нас к проблеме возможной взаимообусловленности метафизической и эмпирической теорий. Автор «Методологии исследовательских программ» рассуждает в этом случае следующим образом: «Возьмем... метафизическое картезианское суждение *C*: “все природные процессы являются механизмами, подобными часам, которые регулируются неким (априори) духовным началом”. Это суждение по самой своей форме неопровержимо, ибо не может войти в противоречие ни с каким сингулярным “базисным предложением”, сформулированным в пространственно-временной терминологии. Конечно, оно может противоречить некоторой опровержимой теории типа *N*: “гравитация – сила, действующая на расстоянии и вычисляемая по формуле $f = m_1 m_2 / r^2$ ”. Но *N* будет противоречить *C* только в том случае, если “действие на расстоянии” понимается буквально... как окончательная истина, как нечто несводимое к какой-либо более глубокой причине» [13]. Далее И. Лакатос предполагает, что если *N* – действие на расстоянии будет рассматриваться как некая опосредующая, вспомогательная причина, то в таком случае это понятие *N* может быть истолковано с позиции *C* и использовано (естественно, не как метафизическое) для дальнейшего объяснения новых фактов, что и предприняли Ньютон и другие физики XVIII в. Им удалось «рассматривать картезианскую метафизику как... научную, эмпирическую метафизику, благодаря которой наступает прогрессивный сдвиг проблем» [13].

Другими словами, исследовательская программа, претерпевающая прогрессивный сдвиг проблем, «обновляет» таким образом метафизику, т.е. метафизика не исчезает, а обновляется, так как является априорно

необходимым условием формирования нового знания, а значит, и конкретных новых теоретических моделей. Обновление метафизики посредством создания новых систем знания является как минимум аргументом в пользу синкретической природы дискурса, конституирование которого определяется пресуппозицией, но ее основания не могут быть сведены исключительно к сущности концепта. И если «рациональный выбор логической формы теории зависит от состояния нашего знания» [14], «метафизическое предложение с квантором общности и существования, сформулированное сегодня, завтра, когда произойдут изменения уровня наблюдательных теорий, может превратиться в научное универсальное (с квантором общности) предложение» [15], то изменения данного вида возможны только на основании некоторого преобразования метафизических предложений.

Следовательно, мы можем констатировать, что структурирование картины изучаемой реальности, в том числе и научной, невозможно вне изменяющихся метафизических принципов. Однако в этом случае важно не забывать известную как минимум со времени «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна проблему *метаязыка*, по отношению к которому всегда возможен *следующий* метаязык. По аналогии, проблема «обновляющихся» метафизических принципов в конечном итоге приводит нас не только к *sub species aeternitatis*, но и к некоторому затруднению: уже *имеющиеся* метафизические принципы по отношению к *обнаруживающимся* метафизическим принципам как бы утрачивают свое метафизическое основание, приобретая уже не-мета-физические качества. Поэтому данное затруднение и приводит нас в конечном итоге к необходимости констатации предельного основания посредством трансцендентальной рефлексии [16].

В связи с изложенным выше особый интерес вызывает приведенная И. Лакатосом схема научной игры: «Мы получаем *различные системы правил научной игры*. Конвенционалистская игра состоит в отборе “приемлемых” данных и в упорядочивании их посредством наиболее простой классифицирующей системы» [17]. Данная схема, по сути, является фундаментальной схемой классификации в любой (отнюдь не только в научной) системе. Поскольку речь идет об универсальных принципах классификации вообще, постольку необходимым образом мы можем констатировать, что приемлемость данных и их упорядочивание актуальны и для не-научных дискурсов. Универсальность принципов классификации является еще одним бесспорным аргументом, указывающим на необходимость метафизических оснований дискурса любого типа, так как

в противном случае, лишаясь возможной пресуппозиции, мы лишаемся возможности конституирования дискурса *в принципе* [18].

Таким образом, проблема возможных/невозможных оснований пресуппозиции может быть рассмотрена только на базе анализа картины исследуемой реальности. Например, методология исследовательских программ И. Лакатоса «нуждается в постулировании некоторого неметодологического принципа – для того, чтобы связать (хотя бы как-нибудь) научную игру в прагматическое принятие и отбрасывание высказываний и теорий с правдоподобием. Только такой “индуктивный принцип” может превратить науку из простой игры в эпистемологически рациональную деятельность, а множество скептических игр... – в подверженное ошибкам отважное приближение к истинной картине мира» [19].

Итак, с одной стороны, утверждается возможность истинной картины мира (конечно же, научной), а с другой стороны, рациональная деятельность приобретает качество эпистемологической только при условии наличия определенного принципа, который задан перманентным поиском нового теоретического порядка взаимодействия. Это указывает как минимум на то, что конкретное дискурсивное качество рациональности зависит от конкретной исследовательской программы, и на то, что в этой связи констатация приоритетов рациональной картины мира (конституируемых посредством такого рода исследовательских программ) выглядит неубедительно.

Данное противоречие неявно признается и самим И. Лакатосом: «Люди не являются *полностью* рациональными существами, и даже тогда, когда они действуют рационально, они могут иметь ложные теории относительно собственных рациональных действий. ... Согласно же моему подходу, она (метафизика. – М.Г.) представляет собой существенную часть рациональной реконструкции науки» [20]. Дело в том, что «разведение» И. Лакатосом эмпирической фальсификации и отказа от теории [21] является совершенно закономерным шагом с точки зрения идеологии фальсификационизма. Здесь примечательно следующее: с позиции рациональности знания само это «разведение» было бы невозможным, так как эмпирическая фальсификация – результат реализовавшейся возможности определенного положения дел (факта), а реализация последнего может состояться только вследствие теоретического сдвига (т.е. как минимум в результате появления «конкурирующей теории»); что же касается отказа от теории, то это следствие все того же нового «сдвига» теоретического характера. В итоге мы обнаруживаем некоторый сбой методологического свойства, потому что предположение

о возможности *параллельной* соположенности эмпирического факта и его теоретической репрезентации с точки зрения как теории фальсификации, так и методологии исследовательских программ (утонченной теории фальсификационизма) выглядит весьма противоречиво. И потому именно этот сбой является *идеологической* закономерностью в теории фальсификационизма.

Если учитывать фактор и возможности «решающего эксперимента» [22], то становится очевидным, что природа данного понятия в рамках методологии исследовательских программ, по сути, мифологизирована, так как нет и не может быть рационального основания выбора в контекста культурных реалий. Следовательно, *решающий эксперимент* может являться таковым только при условии актуальности конкретной, обусловленной культурно-исторической ситуацией в самом широком смысле прагматической пресуппозиции. Только в этом случае будет активирован концепт, формирующий возможные новые аномалии и контр-примеры по отношению к теории, существующей длительное время.

Примечания

1. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: АСТ: «Ермак», 2003. – С. 295–297.
2. Там же. – С. 291.
3. *Неретина С.С.* Верующий разум: К истории средневековой философии. – Архангельск, 1995.
4. *Пименова М.В.* [Предисловие] // Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. Пименовой. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – С. 10.
5. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: «Восток – Запад», 2010. – С. 34.
6. *Неретина С.С.* Концепт // Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/1510.html> (дата обращения 01.05. 2013).
7. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 54.
8. Там же. – С. 57.
9. Там же. – С. 54. «Теория без добавочного подкрепления не имеет дополнительной объясняющей силы; вот почему, согласно Попперу, она не обеспечивает рост знания и, следовательно, не является “научной”...» (*Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 174).
10. Там же. – С. 59.
11. *Эко У.* Отсутствующая структура. – СПб.: Symposium, 2006. – С. 80.
12. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 64.
13. Там же. – С. 65.
14. Там же. – С. 66.

15. Там же.
16. *Апель К.О.* Трансформация философии. – М.: Логос, 2001. – С. 195.
17. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 299.
18. «Однако эти *научные игры* не имеют никакого эпистемологического характера *до тех пор, пока* мы не подчиним их некоторому метафизическому... принципу, утверждающему, что заданная определенной методологией игра дает нам наилучшие шансы приблизиться к истине» (*Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 299).
19. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 281.
20. Там же. – С. 284.
21. Там же. – С. 279.
22. «Силу логического доказательства результат “решающего эксперимента” имел бы только в том случае, если бы было принято следующее утверждение: “Только одна из соперничающих теорий является истинной”. Но... истинность теории – это то, что всегда ставится под сомнение в науке. Поэтому “решающий эксперимент” сам по себе ничего не решает, а только “склоняет” к выбору той или иной стратегии дальнейшего исследования» (*Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – С. 250–251).

Дата поступления 02.06.2013

Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники,
г. Томск

markgon73@rambler.ru

***Goncharenko, M.V.* On some methodological prerequisites for the problem of falsification of knowledge**

The paper considers the problem of falsification of knowledge within Imre Lakatos's conception of «scientific research programs». From the standpoint of critical rationalism, it analyzes grounds for formation of new knowledge. It also formulates and gives proof of the assumption that creation of new knowledge becomes possible as a result of two reasons. Firstly, interpretation of a fact (as well as a fact itself) is epistemologically possible due to actuality of a certain presupposition. Secondly, a new presupposition always structures a new concept.

Keywords: falsification, rationality, presupposition, fact, concept